

МАЛХАЗ МЕЛЬКОНЯНЦ НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

Канатьева Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Nussy71@mail.ru

В статье рассказывается об эпизоде из удивительной судьбы слепого миссионера-сектанта второй половины XIX в. Малхаза Мельконянца, проповедовавшего на территории Астраханской губернии. Будучи турецким армянином по рождению, он был воспитан в специальном училище при американской евангелической миссии, по окончании которого отправился на юг Российской империи с целью привлечения средств и неофитов. Выбор места проповеди обусловливался прекрасным владением русским языком, которому Мельконянца обучали в миссии. Мельконянец побывал на Землях Войска Донского, в Таврической, Ставропольской и Саратовской губерниях, после чего отправился в Астраханскую губернию, а именно в центр молоканского сектантства с. Пришиб Царёвского уезда. Проповедь Мельконянца имела большой успех, причём не только среди молокан, но и субботников. К этому времени в Астрахани и губернии уже существовало миссионерское Кирилло-Мефодиевское общество, чья работа была направлена против так называемых раскольников, или старообрядцев, и сектантов, в первую очередь, против молокан, как наиболее многочисленных. Священники-миссионеры, как местные, так и прибывшие из губернской Астрахани, проводили умелое противодействие Мельконянцу в союзе с местными «пророками» и прибывшими из Крыма и Кавказа представителями тамошних сектантов.

Ключевые слова: фронтирное пространство, фронтирмэны, сектанство, молоканство, миссионерство, внутренняя миссия, религиозные диспуты

MALKHAZ MELKONYANTS TO THE EDGE OF OIKUMEN

Kanatyeva Natalya S., Ph.D. (Biology), Assistant Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: Nussy71@mail.ru

The article describes an episode from the amazing fate of a blind missionary sectarian of the second half of the 19th century. MalkhazMelkonyants, who preached on the territory of the Astrakhan province. Being a Turkish Armenian by birth, he was raised in a special school under the American evangelical mission, after which he went to the south of the Russian Empire to raise funds and neophytes. The choice of the place of preaching was determined by the excellent command of the Russian language, which Melkonyantsa was taught in the mission. Melkonyants visited the lands of the Don Army, in the Tauride, Stavropol and Saratov provinces, after which he went to the Astrakhan province, namely, to the center of Molokan sectarianism in the village of Prishib Tsar's uyezd. The preaching of Melkonyants was a great success, not only among the Molokans, but also Subbotniks. By this time in Astrakhan and the province there already existed a missionary Cyril and Methodius society, whose work was directed against so-called schismatics, or Old Believers, and sectarians, primarily against Molokans, as the most numerous. The missionary priests, both local and arrived from provincial Astrakhan, conducted a skillful opposition to Melkonyants, in alliance with local "prophets" and representatives of local sectarians who came from the Crimea and the Caucasus.

Keywords: frontier space, frontiersmen, sectarianism, molokanstvo, missionary work, internal mission, religious disputes

*Далека дорога твоя,
Далека, дика и пустынна,
Эта даль и глушь не для слабых душ,
Далека дорога твоя.*

Ю. Ким

Летопись фронтирного пространства – во многом свод биографий фронтирных личностей. Сам фронтир возникает как контакт носителей разных культур, встретившихся во времени и пространстве. Фронтир порождает и притягивает, его влияние ощутимо за тысячи километров. Как у эллинов ТеоНоэ, Божественное Разуме-

ние, печать на лбу, видная посвящённым, как пассионарность у Гумилёва и нарративный импульс по Умберто Эко, фронтир отмечает своих сыновей и дочерей. И человеческая фантазия не в силах выдумать жизнеописаний, подобных тем, что присущи истинным фронтирмэнам (и фронтирвумэн тоже).

В полной мере это относится к нашему герою. Малхаз Мельконянц, слепой миссионер, путешественник и самозванный пророк, родился во второй половине XIX в. в турецком городе Диарбекир. Чтобы приблизиться к пониманию характера и судьбы Мельконянца, необходимо осознать, что такое небольшой Диарбекир на юго-восточной границе Османской империи в XIX столетии. Позади века славы одного из древнейших городов Востока, г. Амида, видевшего ассирийцев, персов, армян, римлян, арабов и турок-сельджуков, города, в 77 (!) году нашей эры получившего статус столицы армянского государства Митанни и гордое имя Тигранакерт. Позади осада Лукулла и триумф Помпея, завоевание воинственными курдами, которые назвали Амид *Диарбекир* (или *Диарбекир*) в честь своего племени бекир. В XIX в. Амид Диарбекир превратился в место ссылки и тюрьму македонских и болгарских деятелей национально-освободительных движений против власти османов. Христиане составляли более половины жителей города, там жили ассирийцы, армяне, черкесы. Арабы и курды, вместе взятые, были едва ли третью населения, а турки – вообще национальным меньшинством. Это не помешало им задолго до апрельского геноцида 1915 г., в 1895 г. устроить в Диарбекире армяно-ассирийскую резню, в результате которой всё христианское население города было уничтожено или депортировано. Тем не менее, национально-религиозные конфликты продолжались вплоть до середины 1937 г. В этом многозначительном году Диарбекир посетил сам Ататюрк и распорядился окончательно переименовать город. Сейчас он называется Диарбакыр – от турецкого слова «бакыр» (медь) и является неофициальной столицей курдов, точнее, как они сами говорят, *Турецкого Курдистана*. Но мы забежали вперёд, вернёмся к нашему герою.

Итак, в турецком по состоянию, но не по духу, городе родился армянский мальчик Малхаз. В детстве он, единственный из своей семьи, выжил после тяжелейшей болезни, оспы, после чего остался совершенно слепым. На что мог рассчитывать слепой сирота? На судьбу попрошайки, из милости живущего при какой-нибудь богадельне? Малхаз попадает в специальное училище для слепых, созданное в Диарбекире американо-персидской миссией. Там он изучает разные предметы, в том числе английский и русский языки и эктипографию – выпуклую печать для слепых, шрифт Брайля. Вообще список языков, которыми владел Мельконянц, внушает уважение, но не удивление – всё же он вырос в многонациональном городе, где все говорили на нескольких языках. Так что помимо родного армянского и выученных английского и русского – это, разумеется, турецкий, ассирийский и фарси.

Для чего Мельконянцу русский? Дело в том, что училище было не просто благотворительным заведением. Как и многие учреждения подобного рода, оно являлось кузницей миссионерско-сектантских кадров, направляемых в том числе в Россию, и содержалось на средства Американской евангелической миссии. Поэтому Малхаз Мельконянц, который родился в семье, исповедовавшей армяно-апостольское вероисповедание, стал протестантом-евангеликом.

Одним из главных и характерных постулатов евангельских христиан является миссионерская активность. В сочетании со строгой этической позицией и акцентом на личном духовном возрождении каждого верующего подобная активность становится смыслом жизни. Поэтому неудивительно, что по окончании училища Мельконянц, несмотря на слепоту, отправляется проповедовать и собирать как деньги, так и новых adeptов. Разумеется, если его изначально и целенаправленно обучали именно русскому языку, то выбор места проповеди так же очевиден. В 1886–1887 гг. Мельконянц в сопровождении ещё одного выпускника училища, по-видимому, служащего поводырём для него Кирикоза Петросова (тоже инвалида. Одноглазого. Но на этом не хочется акцентировать внимание, иначе получается уже совершеннейшая оперетта – *НК*), едет

в Россию. Сначала на Кавказ, через Эрзерумский вилайет в г. Карс (до 1917 г. – территория Российской империи, в настоящее время – Турция), где получает дорожный паспорт у военного губернатора генерал-лейтенанта Томича Петра Ивановича. В паспорте вероисповедание Мельконянца обозначено как армяно-протестантское, а его спутника Петросова записывают армяно-григорианцем. Затем Мельконянец посещает Земли Войска Донского, Таврическую, Ставропольскую и Саратовскую губернии. К сожалению, свидетельств о его пребывании там разыскать не удалось, но, судя по тому, что к концу своего путешествия он обзаводится массой рекомендательных писем от видных сектантов, в том числе Дея Ивановича Мазаева¹, путешествие его было успешным. Наконец, Мельконянец направляется в одно из самых глухих и окраинных мест Российской империи – Астраханскую губернию.

Астраханская губерния XIX в. представляла собой чрезвычайно пёструю картину, как в физико-географическом, так и в социально-политическом смысле. До середины XIX в. губерния оставалась в составе четырех уездов: Астраханского, Енотаевского, Красноярского и Черноярского, в 1850 г. был присоединён Царёвский уезд. Кроме того, в губернии насчитывалось шесть калмыцких улусов, которые по своему управлению приравнивались к уездам [4, с. 320].

По размерам территории губерния была в числе наиболее обширнейших в Европейской России: к 1861 г. ее площадь превышала 19 млн десятин, или 200 тыс. вёрст (около 230 тыс. км²) [1, с. 124]. Губернский город Астрахань по числу населения входил в пятёрку крупнейших городов Российской империи. Но несмотря на огромную территорию, сама губерния заселена была мало в силу отдалённости от центра и продолжавшихся до конца XVIII в. частых набегов кочевников.

Население формировалось разными путями. В губернию бежали крепостные крестьяне, прибывали правительственные переселенцы, вследствие военного укрепления окраин возникали военные центры, соответственно, появлялось казачество и дворяне. Были и так называемые «самовольцы» – крестьяне, переселявшиеся на новые территории без обязательной для государственных переселенцев уплаты всех недоимок и внесения двойной уплаты всех сборов. В некоторые года количество таких «самовольцев» превышало количество официально разрешённых переселенцев в два раза (1297 против 506 [4, с. 322]). К тому же Астраханская губерния считалась одним из тех мест, «где лучше», и поэтому пополнялась ежегодно многочисленной армией отходников (от 10 до 25 тыс. человек) [4, с. 322]. Собственно городское население также было неоднородным. Богатейшие купцы-рыбопромышленники, более мелкое купечество, недавно перешедшее из крестьян-отходников, мещане, ремесленники, военные, казачество, немногочисленные местные и ссыльные дворяне – всё это многообразие создавало уникальный колорит Астраханской губернии. Как отмечено в монографии «История Астраханского края», «своеобразие государственной политики по отношению к стихийной колонизации края [носило]... в большей мере покровительственный, нежели запретительный характер» [4, с. 12].

Очевидно, что и в конфессиональном отношении Астраханская губерния была столь же пёстрой. Господствующее официальное православие, немногочисленное католичество, ислам татар, казахов и буддизм (ламаизм) калмыков соседствовали со старообрядчеством во всём многообразии толков и согласий, и сектантством. Удалённость от центра создавала для отошедших от христианства иллюзию более при-

---

¹Мазаев Дей Иванович (1855–1922) – видный российский религиозный деятель, один из основателей Союза баптистов (1884 г.), многократный его председатель (1888–1920 гг.), создатель и редактор журнала «Баптист» (1907–1909 гг.), участник первого съезда Всемирного союза баптистов (1905 г.). Выдвигался депутатом в Государственную думу от Северного Кавказа. Родившись в семье молокан, обратился в баптистскую общину по разным данным в 1879 или 1884 г. Выступал за объединение евангельских христиан и баптистов. Брат Гавриила Ивановича Мазаева.

вольной по сравнению с центральными губерниями жизни. Как писал местный преподаватель духовной семинарии Л.С. Рязанский, «Коли хочешь в Камыши, то паспорт не пиши, а захочешь в Разгуляй – и билет не выправляй». Камыши – это Камыш-Самарские озёра, а Разгуляй – народное название Астрахани. Здесь, среди казачества, постоянно укрывались беглецы из внутренней России» [7, с. 154]. При этом «специфической чертой края являлась... религиозная и межэтническая терпимость» [4, с. 8]. И в полной мере это относилось к разнообразному сектантству: экстатикомистическим сектам, таким как хлыстовщина и скопчество, и рационалистическим, таким как молоканство, баптизм и штундизм.

Первыми сектантами в губернии, по мнению о. И. Саввинского, летописца Астраханско-Енотаевской епархии, были молокане. Основатель молоканства, уроженец Тамбовской губернии Семён Матвеевич Уклеин, побывавший в Астраханской губернии в рамках своего путешествия по Югу России в 70-х гг. XVIII в., «самыми привлекательными красками описывал молоканам астраханский край, особенно местности, орошаемая р. Ахтубой, и советовал переселяться сюда для безмятежного жительства. Молокане последовали его совету, и с этого времени молоканские поселения по Ахтубе стали считаться для них обетованной землей, куда стремились они усиленно и впоследствии» [8, с. 253].

Саввинский считал центром молоканства с. Пришиб Царёвского уезда, где Уклеин лично побывал и «насаждал первые семена молоканства». Село Пришиб находилось на севере Астраханской губернии (ныне это Волгоградская область), население его в XVIII в. составляли «казаки и беглые люди разных губерний» [8, с. 253], среди которых проповедь Уклеина была более чем успешна. К концу XVIII в. молоканство было распространено, помимо Царёвского, в Черноярском уезде губернии и в самой Астрахани.

В это время в Астраханской губернии противостоять сектантству было некому. Лишь к концу XIX в., на волне так называемой «внутренней миссии» Русской Православной Церкви, направленной, в отличие от внешней, не на «инородцев и иностранных», а на так называемых раскольников, т.е. сторонников дореформенного православия, или старообрядцев, и сектантов, в Астраханской епархии появляются первые объединения миссионеров. В 1873 г. было создано православное миссионерское Свято-Троицкое братство, как было заявлено в Уставе братства: «с целью ослабления молоканства и предохранения от соращения в эту секту православных», и снова акцент на молоканах, потому что не «раскольники» и хлысты, а именно молокане к тому времени были самыми многочисленными сектантами губернии.

В 1885 г. Свято-Троицкое братство вошло в состав вновь учреждённого Кирилло-Мефодиевского общества ревнителей веры, просвещения и нравственности в духе святой православной церкви, чьи обязанности были значительно расширены, и в его задачи стало входить распространение противосектантской миссии на раскольников, поповцев и беспоповцев с их многочисленными разветвлениями, хлыстов, штундобаптистов, субботников и пещерокопателей. Братство просуществовало вплоть до 1917 г., пережив расцвет, застой и постепенное угасание. И в лучшие свои годы оно могло существовать лишь на энтузиазме и искренней вере своих адептов, а таковых к началу революционного периода в России становилось всё меньше.

При изучении истории Кирилло-Мефодиевского братства познакомишься с чередой истинных фронтирмэнов: православных миссионеров и противостоящих им старообрядческих начётчиков и начётчиц, молоканских пресвитеров, раввинов субботников, кормщиков хлыстовских «кораблей», «христосов» и «богородиц». Фронтир, по Якушенкову, в первую очередь – это борьба за ресурсы, а что может быть более ценным ресурсом, чем души человеческие? Наш герой, евангелический американотурецко-армянский миссионер Малхаз Мельконянц, тоже «ловец душ».

Итак, в 1877 г. Мельконянц, сопровождаемый Петросовым, прибыл в Астраханскую губернию, причём не остановился в губернском городе, как можно было ожи-

дать, а отправился в вышеупомянутое «молоканское гнездо» – Царёвский уезд, сёла Пришиб и Заплавное (ныне районный центр Ленинск и с. Заплавное Ленинского р-на Волгоградской обл.) [3, с. 23, 31].

Там Мелькоянц повёл себя амбивалентно и гибко, как настоящий фронтирмэн. По рождению принадлежавший к Армянской Апостольской церкви, воспитанный и обученный как американский евангелик, находивший общий язык (во всех смыслах) с русскими баптистами и получавший от них рекомендательные письма, среди молокан он ведёт себя как молоканин. По словам о. Михаила Никаноровича Тифлова, миссионера Кирилло-Мефодиевского Братства, направленного в Царёвский уезд для борьбы с молоканством, Мелькоянц, «познакомившись с русскими сектантами, ... во многом изменил учения своих американских учителей» [2, с. 137–138]. О.М. Тифлов таким образом описывает доктрину Мелькоянца: «Одинаково со всеми молоканами он смотрит на святые иконы, призывание и почитание святых, одинаково отрицает Священное Предание и пр. Он принимает водное крещение, считая его за акт вступления в братство христиан; но не допускает крещение младенцев. Он запрещает даже учить детей закону Божию до тех пор, пока они не обнаружат в себе зла, не сделаются грешниками. Только после того, как ребенок вырастет и будет замечен в чем-нибудь нехорошем, его, по учению Мелькоянца, следует научить закону Божию, и когда он примет наставление, окрестить. При крещении Мелькоянц кладет крещаемых на землю и расставляет им крестообразно руки. Это он называет крещением в смерть Христову. Преломление хлеба он совершает, не признавая здесь пресуществления даров. Ранее евангелики вставляли на собраниях со своих мест, подходили к столу и брали наломленные ломтики хлеба и отпивали вина. Мелькоянц вооружился против такого порядка, и, по его учению, хлеб и вино стали подавать сектантам, сидящим на своих местах, и сектанты сидя ели преломленный хлеб и пили вино. Запретил он петь на собраниях “Ныне отпущающий”, потому что Христос более не воплощается, и его младенцем невозможно уже принять на руки. Запретил он и молитву “Отче наш”, потому что эта молитва дана при самом начале открытия царствия Божия, когда проповедовали “приблизилось царствие божие”. Теперь же царство это уже открылось на земле, и молить об его пришествии уже нет оснований. Далее он проповедует, как это делал и Уклеин, что все истинно верующие – сыны Божии, все свободны, никто из живущих на земле не должен над ними иметь власти ни духовной, ни гражданской. Все верующие, т.е. последователи Мелькоянца, равны, все они – братья, все – цари и иереи. Земные цари нужны только для злых и неверных, но не для верных. Но и верные не должны забывать, что удел их – терпение и гонение» [2, с. 137–138].

Мелькоянц был далеко не единственный и не первый «пророк», появившийся в Пришибе, Заплавном и вообще Царёвском уезде. Это была, по-видимому, крайне популярная у пророков глухая провинция. Странники, по словам о. М. Тифлова, «постоянно меняются и постоянно меняется проповедь их» [2, с. 133]. До Мелькоянца здесь побывали евангелик Яков Диалект и некто Михайлушка, бывший солдат, родом из Тамбовской губернии, чья проповедь представляла собой практически чистое хлыстовство (он призывал «не есть мяса, не пить вина, хранить девство, избегать брачного сожития с жёнами» [2, с. 134]. Само его имя, нарочито уменьшительно-ласкательное – Михайлушка, тоже свойственно хлыстовской традиции). Упоминался также некий «скопец из Верхне-Ахтубинского», соседнего села. Но все они померкли перед новым пророком. Проповедь Мелькоянца имела значительный успех, причём не только у молокан: «все удивлялись слепому знатоку Писания и проповеднику, и многие православные готовы были последовать ему. Иные заявляли об этом помощнику миссионера (православного – НК) Алексею, другие же православные, смущенные Мелькоянцем, шли за советом к раввину субботников Ивану Белунину» [2, с. 139]. (Кстати, «ересь жидовская, которая иначе называется ... иконоборческой или субботнической» [8, с. 373], существовала в Царёвском уезде Астрахан-

ской губернии, по свидетельствам миссионеров, практически «наравне с молоканством» [8, с. 373].)

Итак, православные, молокане, субботники – все были очарованы слепым странником, причём не только рядовые члены сект, но и пресвитер евангеликов Василий Иванович Королёв, которого привлекло к Мельконянцу толкование им Апокалипсиса.

Разумеется, подобная ситуация не могла оставаться незамеченной миссионерами. Первым ответным действием стало приглашение на диспут, в дом упомянутого Королёва. О.М. Тифлов так описывает этот диспут: «я прочитал: “Как призывать Того, в кого не уверовали? Как верить в Того, о ком не слыхали? Как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы?” (Рим., X, 14–15.) И потом спросил Мельконянца: Кто послал его проповедовать? После долгих уклонений от прямого ответа на этот вопрос, тот, наконец, прочитал из откровения: “И дух, и невеста говорят: приди! И слышавший да скажет: приди!” (XX, 17)» [2, с. 139]. Хорошо образованный миссионер (данные о нём противоречивы). В Отчёте пишется, что он – бывший студент Саратовской духовной семинарии, правда, по болезни не закончивший обучение. (По-видимому, в Астраханскую губернию, известное курортное место, его отправили подлечиться.) Но Клушин и Будков пишут, что Тифлов закончил Киевскую духовную семинарию (по-видимому, правы именно они, потому что студент-недоучка вряд ли мог быть автором нескольких книг и статей о сектантстве, публиковавшихся в «Миссионерском обозрении» и рекомендованных для использования и в других епархиях. – *НК*). Справедливо отмечено, что в контексте эти слова относятся ко Христу, к его второму пришествию. Но Мельконянец явно имел в виду себя.

Бесед было несколько, но к консенсусу они не привели. И тогда, по достоинству оценив угрозу, миссионеры использовали административный ресурс. Мельконянец был арестован полицией по обвинению в пропаганде своего учения. Допрос проводил местный пристав, которому Мельконянец заявил, что о своей вере он беседует со всеми желающими. Пристав отправил его к судебному следователю, но тот, решив, что дело это касается, прежде всего, духовенства, а не полиции, «направил его к благочинному Царёвского уезда, а потом, узнав о его (благочинного – *НК*) смерти, вынужден был арестовать» [2, с. 139]. (Здесь миссионер ошибается. Благочинный 12-го округа Астраханской епархии о. Матвей Симеонович Орлов был к тому времени уже уволен от должности благочинного (16.10.1887), умер он через месяц после увольнения (22.11.1887) [3, с. 404].) Но, так или иначе, Мельконянец оказался в волостном селе Заплавном, в арестантском помещении местного Волостного правления. Кроме того, следователь потребовал, чтобы священники с. Заплавного определили степень вредности учения, проповедуемого Мельконянцем.

В это время в Заплавном была всего одна церковь, уже третья по счёту деревянная постройка 1862 г., освящённая в честь Покрова Пресвятой Богородицы; служил там о. Иаков Гаврилович Фаворский, вторым священником был приезжавший время от времени о. Василий Григорьевич Шапошников, кроме того, миссионер о. Михаил Никанорович Тифлов также привлекался к службам по мере надобности [3, с. 23]. (Кстати, по настоянию о. М. Тифлова в 1889 г. в Заплавном была построена вторая церковь, Николаевская. Миссионер аргументировал необходимость второй церкви тем, что ситуация с сектантами в Заплавном гораздо хуже, чем в Пришибе, где в то время были три церкви. – *НК*.) Таким образом, суждение о вредности учения, проповедуемого Мельконянцем, должны были вынести эти трое священнослужителей (поводырь Мельконянца, Кирикоз Петросов всё это время находился вместе с ним, в том числе и под арестом).

Содержание Мельконянца под надзором Волостного правления очень быстро превратилось в фикцию, о чём с негодованием писал о. М. Тифлов. Достаточно сказать, что на ночь Мельконянца отпускали в дом к пресвитеру Королёву, и, находясь

официально под арестом, он успел перекрестить Королёва, его брата Петра, сыновей, некоего Григория Ламакина и, по словам Тифлова, «многих других».

Тем временем заплавнинские священники, о. И. Фаворский, о. В. Шапошников и о. М. Тифлов, составили суждение об учении Мельконянца, с которым он был снова направлен к судебному следователю. По-видимому, священники особого криминала в действиях Мельконянца не нашли, потому что следователь освободил Мельконянца от ареста, но взял с него подписку, в которой обязал оставаться в с. Заплавном до окончания разбирательства – всё же «бумаги Заплавинских священников» было недостаточно, чтобы совсем прекратить дело.

В результате всех этих событий был достигнут отрицательный для миссионеров результат: о Мельконянце узнали жители практически всего уезда, и, несмотря на данную судебному следователю подписку, Мельконянец принялся разъезжать по уездным сёлам и продолжать активную проповедь.

С прискорбием приходится заметить, что то, с чем не справились православные миссионеры, оказалось вполне по силам предыдущему пророку, вышеупомянутому Якову Диалекту. Он смог остановить проповедь Мельконянца совершенно в духе незабвенного диспута Остапа Бендера с ксендзами Кушаковским и Алоизием Морощеком. Приехав весной 1878 г. в Заплавное из с. Дубовый Овраг, где был записан мещанином, Яков Диалект «имел жаркое состязание с Мельконянц[ем], сильно обличал его и называл ... антихристом» [2, с. 139]. Видимо, Диалект был более убедителен, чем православные миссионеры, потому что после этого «жаркого состязания» в Мельконянце разочаровался даже такой его преданный адепт, как бывший заплавнинский пресвитер Королёв. Дальше – больше: «Сыновья Василия Иванова Королева, ранее покорные ученики Мельконянц[а], теперь стали спорить со своим учителем. “Как-де ты говоришь, что все верные одинаковы, никто над ними не должен власти иметь, а на строке прямо сказано: “болен ли кто из вас, пусть призовет проповедника церкви (Иак. V. 14); кто же эти проповедники?”. Они в глаза назвали [его] антихристом и во многом ... подорвали авторитет Мельконянц[а], которого положительное пребывание в Заплавном становилось сектантам уже в тягость» [2, с. 139].

Таким образом, образовался раскол между евангеликами с. Заплавного. Оппозиция была возглавлена Игнатом Гавриловичем Фаддеевым, который отправил письмо к рекомендателям Мельконянца, как сказано у миссионера – «кавказским и таврическим баптистам» [2, с. 140]. Сначала эти баптисты «стали осаждать их (оппозиционеров – НК) увещательными письмами, затем, наконец, прислали ... двоих проповедников, Богданова и Мамонтова. 5 марта 1888 г. те прибыли в с. Заплавное и остановились в доме Игната Гаврилова Фаддеева» [2, с. 140].

(Опыт изучения деятельности православных миссионеров в целом, и Кирилло-Мефодиевского Братства в частности, говорит нам о том, что они активно пользовались услугами внедрённых в секты информаторов. Так, например, разгром астраханской хлыстовской секты в уездном городе Царёве стал возможным «благодаря внедрённому в неё миссионерами (в частности, о. Стефаном Парадизовым, священником Троицкой церкви с. Пришиб) провокатору, крестьянину села Колобовки Михаилу Даниловичу Чурзину» [5, с. 402]. Более чем вероятно, что и в секте евангеликов с. Заплавного также находился агент миссионеров. Разумеется, о. М. Тифлов прямо об этом не пишет, но не может удержаться, чтобы не похвастаться: «узнав об этом (о приезде Богданова и Мамонтова – НК), я сообщил ... о. Иакову Фаворскому и вместе с ним пришёл неожиданно для сектантов в дом Фаддеева. Сектанты удивлялись, как мог я так скоро узнать о приезде новых проповедников и о том, где они остановились» [2, с. 140]).

Итак, собралась целая оппозиционная коалиция против Мельконянца: православные священники-миссионеры о. Тифлов и о. Фаворский, приезжие баптисты-проповедники Богданов и Мамонтов и бывший пророк и основатель секты евангеликов в Заплавном Яков Диалект. Состоялись «беседы», и всего таких «бесед, жарких и

продолжительных» было шесть: четыре в доме Королёва, по одной в церковной сторожке и в Волостном правлении. Темы были следующие: о таинстве пресуществления даров, о крестном знаменнии, о принятии присяги, об истинной церкви Христовой, об иконах, о крещении младенцев на дому – всё это скрупулёзно записано о. М. Тифловым. (Особенно миссионер подчёркивает, что беседы эти были «публичными», в противовес «частным», которые, по-видимому, тоже имели место, но уже непосредственно на квартире у о. Тифлова.)

В итоге Мелькоянц потерпел поражение. Он потерял свою вновь приобретённую паству, и ему пришлось уехать из Заплавного, сначала в Астрахань, а потом, в мае 1878 г., и вовсе за пределы Астраханской губернии. Правда, непонятно, как это согласуется с его подпиской о невыезде из Заплавного, но, очевидно, со следователем был достигнут взаимоприемлемый компромисс. Заплавненские баптисты-евангелики, потрясённые всеми этими событиями, частично вернулись к Диалекту, а часть даже приняла православие [2, с. 142]. Итак, окончательная победа осталась за миссионерами.

К сожалению, сведений о дальнейшей судьбе Малхаза Мелькоянца и его верного Кирикоза Петросова нам пока найти не удалось. Документированы всего лишь **полгода** (выделение моё – *НК*) его жизни.

Как сказано в одной замечательной книге: «лакуны и разрывы свойственны любому нарративу и любому тексту. Они являются отправной точкой для будущей работы» [6, с. 357]. Разумеется, это так, и восстановление биографии Мелькоянца – дело будущих исследований. Но для понимания сущности его фронтирного характера и судьбы, как нам кажется, вполне достаточно и полугодия, проведённого им в Астраханской губернии. Сочетание «ассирийской герметичности» (Дм. Быков) и американского прагматизма, личной храбрости и обаяния, способность к самостоятельному выбору и действию, в противоположность детерминизму – всё это вкупе и есть истинный фронтирмэн Малхаза Мелькоянца.

Список литературы

1. Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки. – Астрахань : Волга, 1997. – 132 с.
2. Астраханское Кирилло-Мефодиевское общество. Отчет о деятельности. – Астрахань : Паровая Новая Русская Типография (Московская улица, дом Усейнова). 1887–1888 – 150 с.
3. Забытые судьбы: памятная книга священнослужителей Царёвского и Черныянского уездов Астраханской епархии (в границах Калачёвской епархии Волгоградской митрополии): биографический справочник: конец XIX – начало XX в.: 434 персоналии, 60 церквей, 46 населённых пунктов, 2 миссионерских участка / авт.-сост.: А. А. Клушин и И. О. Будков. – Волгоград : Станица-2, 2016. – 752 с.
4. История Астраханского края. – Астрахань : Астраханский гос. пед. ун-т, 2000 – 1122 с.
5. Астраханские хлыстовские общины конца XIX – начала XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 2. – С. 400–406.
6. Олсон Л. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины / Л. Олсон, С. Адоньева ; пер. с англ. А. Зиндер. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. – 440 с.
7. Рязанский Л. С. Краткая историческая сведения о расколе в пределах Астраханского края со времени появления раскола и до половины XVII в. / Л. С. Рязанский // Астраханские епархиальные ведомости. – 1892. – № 7–9. – 24 с.
8. Саввинский И. Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 г. / И. Саввинский. – Ростов-на-Дону : Фолиант, 2002. – 632 с.

References

1. *Astrahanskije gubernatory. Istoriko-kraevedcheskie ocherki* [Astrakhan governors. Historical and ethnographic studies]. Astrakhan, Volga Publ., 1997, 132 p.
2. *Astrahanskoe Kirillo-Mefodievskoe obshchestvo. Otchet o deyatelnosti* [Astrakhan Cyril and Methodius Society. Activity report]. Astrakhan, Parovaya Novaya Russkaya Tipografiya (Moskovskaya ulitsa, dom Useynova) Publ., 1887–1888, 150 p.

3. Klushin A. A., Budkov I. O. *Zabytye sudby: pamyatnaya kniga svyashchennosluzhiteley Tsarevskogo i Chernoyarskogo uezdov Astrahanskoy eparkhii (v granitsakh Kalachevskoy eparkhii Volgogradskoy mitropolii): biograficheskiy spravochnik: konets XIX – nachalo XX vv.: 434 personalii, 60 tserkvey, 46 naselennykh punktov, 2 missionerskikh uchastka* [Forgotten fates: a memorial book of priests of the Tsar and Chernoyarsky uyezds of the Astrakhan diocese (within the boundaries of the Kalachchevsky diocese of the Volgograd metropolia): a biographical directory: the end of the XIX - beginning of the XX century: 434 personalities, 60 churches, 46 populated points, 2 mission areas]. Volgograd, Stanitsa-2, 2016, 752 p.

4. *Istoriya Astrahanskogo kraya* [History of the Astrakhan region]. Astrakhan, Astrakhan State Pedagogical University Publ., 2000, 1122 p.

5. Astrahanskije khlystovskie obshchiny kontsa XIX – nachala XX v. [Astrakhan Khlyst communities in the late XIX – early XX century]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2015, no. 2, pp. 400–406.

6. Olson L., Adoneva S. *Traditsiya, transgressiya, kompromiss: Miry russkoy derevenskoy zhenshchiny* [Tradition, transgression, compromise: Worlds of a Russian village woman]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 440 p.

7. Ryazanskiy L. S. *Kratkiya istoricheskaya svedeniya o raskole v predelakh Astrahanskogo kraya so vremeni poyavleniya raskola i do poloviny XVII v.* [Brief Historical Information on the Split within the Astrakhan Territory since the Time of the Split and up to the Half of the 17th Century]. *Astrakhanskije eparkhialnye vedomosti* [Astrakhan Diocesan News], 1892, no. 7–9, 24 p.

8. Savvinskiy I. *Ocherki istorii Astrahanskoy eparkhii s 1602 po 1902 g.* [Essays on the history of the Astrakhan diocese from 1602 to 1902]. Rostov-on-Don, Foliant Publ., 2002, 632 p.